

Глава I

Я — ПОПАЛ

Первым впечатлением было, что это сон, но годами отрететированный навык подвел: правая рука двинула ручку управления влево, но ручка «провалилась», а горизонт продолжал уходить влево, меняясь с небом местами. По спине пробежал холодок: отказ управления. Главное, не уйти носом вниз. Проверил, потянув ручку на себя. Упруго сопротивляется, привод работает. Ловя момент, когда небо выше земли, резко даю ручку на себя и назад, одновременно работая ногами, стараюсь остановить вращение вправо и пытаюсь разобраться, почему нет связи ни с кем?левой рукой обнаружил, что и ларингофонов нет. Правая рука находится на двухручной ручке, такая стоит на всех поликарповских машинах, с одной из которых я хорошо знаком. С этого все и началось...

Родился я давненько в одной замечательной стране, название которой давно стерто с карт, но сохранилось в памяти у многих. Говоря анкетным языком: в семье военнослужащего. Дальше — все

«как у людей»: многочисленные переезды из одного военного городка в другой, смена пяти школ и военное училище в Волгограде, короткий период службы, и, в звании старший лейтенант и в должности старший летчик, узнаю, что больше нам никто не угрожает, поэтому требуется срочно переучиться на новую специальность и уходить в запас, потому как топливо для нас куда-то ушло за границу, «у государства нет денег содержать такую огромную армию», поэтому оно приняло предложение денег на сокращение армии от бывших противников по «холодной войне» и предварительно подготовит офицеров запаса к «новой жизни». Дело было под Петрозаводском, в небезызвестном Бесовце, готовили нас стать «менеджерами», причем знающих язык вероятного противника, как к внешней торговле. После увольнения вначале немного поработал у тестя в ЭкспортЛесе, который не «бросил» заботиться о единственной дочери, там оброс связями и даже создал, по ходу дела, собственную конторку, но летать не бросил. Перебрался в Ленинград, уже переименованный Собчаком и компанией. Еще до того, как все в Карелии развалилось, я ушел из «лесного бизнеса», переключившись на иные сферы деятельности, в том числе и торговлю раритетами. Одним из которых сам пользуюсь до сих пор: И-16 17-й серии, который любовно восстановили из небытия и поставили на крыло. Стоит он под Всеволожском, и когда выдается свободная минутка и хорошая погода (что редко совпадает по времени), то я вылетаю на нем. Иногда снимаюсь для фильмов,

как дублер, получил несколько премий из различных заграничных авиафондов.

Но это была не моя машина! Брезентовые ремни давным-давно вышли из употребления в авиации! А мой парашют был снабжен ими. Плечевые были изготовлены из этого же материала.

Замедлить вращение я сумел, все-таки налет у меня большой, вот только до сих пор не понял, как я оказался в такой рухляди? Зачем я согласился сесть в этот пылесос? И, главное, когда? Я не собирался сегодня летать! Я в отпуске в Санта-Круз де Тенерифе, это на Канарах. Испанцы имеют несколько восстановленных «ишаков», которые воевали за их республику и потом несли службу в ВВС Испании, уже у Самосы или Батисты, ой, нет, у Франко! Точно, Франко! Вечером замечательно посидели в кафешке на берегу океана. А вот дальнейших событий я не помню. Говорил же этому хмырю Хуану, что не надо больше наливать! Но голова не болит, вот только что делать с оборванной тягой? Надо прыгать! Черт с ней, с этой рухлядью, все равно не моя! Правой рукой отжал собачку привязных и попытался встать, на вращении это выбросит меня из кабины. Но не смог, зацепился чем-то за поясной. Глянул вниз и обомлел: сбоку справа висела кобура. Что-то здесь не так! Сбросил ремень в сторону, и тут чувствую, что по бронеспинке что-то замолотило. Оглядываюсь назад: «Мессер!» И не один! Обороты в ноль! И чуть более продолжительно рву на себя ручку, придержал и отпустил. Получилась «кадушка». «Мессера» проскочили, и в этот

момент я встал, и меня выбросило из кабины. Слава богу, опыт прыжков у меня большой, еще в школе начал заниматься в аэроклубе. Лег на поток, чуть дал руки, выписывая спираль. А это — не Тенерифе! Вокруг одни поля и леса! Вот это жопа! Причем она была «полной» и «огромной»: «мессера» разворачиваются и, похоже, мечтают разрядить в меня свои пулеметы. Но отсчет я веду: «Сто двадцать один, сто двадцать два...» Вышел я на трех километрах, так что время есть. Подобрал под себя руки и развел ноги, уходя в пикирование. «Мессы» прошли выше, и я снова лег на поток. Альтиметра нет, будем ориентироваться по шевелению травы. Какой-то аэродром визуально я уже обнаружил. Весь в дымах от сгоревшей техники. Посмотрел еще раз на «люфтов», затем на землю. Все, пора! Не хватало только грохнуться. Купол, естественно, оказался неуправляемый. Вытянул одну стропу, и меня развернуло по ветру. Что-то около 15 секунд, и я пробежался по земле, одновременно подтягивая на себя нижние стропы. И до леса метров пятьдесят. Я быстренько обвязал скрученный купол стропой, кстати, это совсем не «Ирвин», это ПЛ-1 или 2, коричневатого цвета и дико тяжелый, взвалил его на плечо и рысцой двинулся к лесу, пока «мессера» не появились. Успел спрятаться до того, как над полянкой, на которую я сел, пронеслись три хищные узкие тени. Сделали два захода и ушли. Интересно: почему они тройкой летают? Впрочем, третья машина шла сзади, а не сбоку. Так что: неполное звено. После того, как они оставили меня в покое,

я вышел на полянку и нашел глазами клубы дыма. Засек на них направление по солнцу, снял подвесную и хотел прикопать где-нибудь тяжелый купол, но вспомнил, что в книгах не раз писали, что за утрату парашюта можно было схлопотать, и немало, а идти было не слишком далеко, километров пятнадцать или даже меньше. Обернул купол подвесной системой и попер эту пакость в сторону аэродрома. Ничего «аварийного» или «опасного» я пока не обнаружил, так что надо быстрее добраться до своих, а там будем разбираться.

Честно и откровенно — мне было до смерти обидно и досадно, что я оказался здесь. Отпуск казался много более предпочтительным, чем тот ад, который предложили для дальнейшего существования. «Бурсу» я закончил в 88-м, четыре года в полку на Су-27-х, но последние два года мы практически не летали. Четыре часа налета в год. Я ради собственного удовольствия, и за деньги (!!!), летаю больше. Кстати, стоянка и обслуживание совсем бесплатные. За каждый чих приходится платить: и за ангар, и механику, и за топливо, и за разрешение на вылет вне зоны. Перелет на Канары стоил 1800 евро. «Аэрофлотом» дешевле! Но в этом году они вообще не летают по этому маршруту. С такими невеселыми мыслями я целый час пер этот мешок, пока не устал и не увидел небольшой ручей в лесу. Скинул ношу, напился от души, а затем неожиданно понял, что напрасно так тороплюсь.

Вопрос номер один: как меня зовут? По отражению в воде я уже понял, что морда у меня вовсе не моя. Что подвигло меня искать в карманах все, что есть. Вопрос второй: где я нахожусь и какое сегодня число? Календарь еще никто не отменял! Третий вопрос: а готов ли я умереть «За Родину, за Сталина»? Судя по всему, не очень. Мне вообще не хочется умирать, от слова «совсем». Мне бы домой вернуться, туда, откуда я попал сюда. Там, кстати, на две недели вперед номер оплачен.

Ага, серенький такой, невзрачный, членский билетик: кандидат в члены ВКП(б). Ну, блин! Дал бог фамилию! Она у меня только с предателем Резуном ассоциируется! Зовут — Витя. Отчество — Иванович. На груди держит, с левой стороны, под сердцем. Больше ничего нет, хотя постой, планшетка, в ней карта-километровка. Интересное место! Ну, что сказать! Лесок-то здесь один! Это — Молдавия, точнее, Бессарабия. Судя по карте, я в девяти километрах от румынской границы, а местом базирования служит аэродром в Тарутино, это Одесская область. Так что парашютик можно свободно бросить, скажу, что на дереве повис, было не снять. Но до места базирования километров шестьдесят. На душе как-то стало спокойнее. Основной противник — румыны, а не немцы. А что же там за аэродромчик? На карте его нет, но видел я его четко. Аэродром подскока? Все может быть. Он за лесом, где-то между Вишневкой и Кочулией. Да и шоссе там проходит. А может, все-таки в другую сторону податься? Впрочем, там пока румыны не могут че-

рез Прут переправиться, доблестная Красная Армия не дает, а летчика с картой, идущего на запад, могут не понять. Хлопнут или в пехоту сошлют. Освободившись от груза, идти стало веселее. И лес неплохой, дубы да ясени, подлеска почти нет. Вышел на тропу и пошел в сторону села Капаклия-Резеши. Но впереди послышался чей-то говор, поэтому я сошел с тропы и прилег за огромным дубом. Ага! Солдатики, то есть красноармейцы, да еще и с синими петличками с птичкой.

— Стой! Вы куда? — Свое звание я уже определил: младший сержант. Но какой-никакой, а младший командир, впрочем, тут присутствует старшина, так что придется докладывать, а что докладывать, я толком не знаю.

— Там парашютисты высадились. — Старшина показывал в ту сторону, где я приземлился.

— Да это меня сбили, младший сержант Суворов, N-ский авиаполк. Стоим в Тарутино.

— Бой был выше, а парашют красноармеец Ефимов увидел над самой землей. И там потом долго кружили три истребителя.

— Не долго, два захода сделали, меня искали.

— Ефимов! Еще раз доложи, что видел!

— Значитца так, тащ старшина, докладую по порядку. Сперва увидел три наших самолета, «ишаки», два с которых сбили немцы сразу, в один раз. Наш остался один, они долго крутились, затем еще один самолет загорелся и упал. Кто это был — не видел, далеко и высоко было. Потом еще два раза были слышны выстрелы, но уже за лесом, над

Ларгуцей. А потом над лесом появился парашют. Почти над кромкой. А разворачивались немцы над нами, их стало трое, было четверо.

— Стало быть, ты немца сбил? — Я пожал плечами.

— Герой! А скромный! Зовут как?

— Витя.

— А что ж не Александром назвали?

— А я здесь при чем? Родители называли.

— Ну, это верно! Ну что, вертаемся?

— Там мой парашют. Метров шестьсот отсюда. Одному не донести, а вас, вон, целый десяток.

— Давай показывай!

Про парашют я специально сказал, для его перевозки машина требуется, или сдам его в воинскую часть, тем более авиационную. Дошли до места, где я вышел на тропу, пошли по моим следам, трава еще полностью не встала. Я показал место, куда его бросил и где засыпал его старой листвой. Красноармейцы достали его, взяли вдвоем, и мы повернули обратно. Пройдя через лес и деревню, вышли на укатанное поле, на котором стоял обгоревший бензозаправщик, а чуть поодаль три самолета У-2, тоже основательно поврежденные.

— Мы-то — БАО, с пятницы здесь, как ученья объявили, ну, а сегодня с утра началось. Сначала румыны прилетели, потом немцы. Летуны уже уехали. А мы вот здесь. Пошли, сержант Суворов, комбату доложимся.

Когда-то это был красиво построенный палаточный городок, но большинство палаток больше похо-

дили на лохмотья. Скорее всего, кассетные бомбы. Точно-точно, вон лепестки от немецкой «вертушки» валяются. В небольшой рощице у пруда стояло несколько столов и дымилась полевая кухня. Там находился и громкоголосый комбат, которому доложил сначала старшина, а потом и я.

— У, родной 146-й РАП? А че ты как не родной, Виктор Иваныч? Как регланчик себе достать, так, Степан Тимофеевич, помоги, а тут и руки не подал! Зазнался, что ль?

— Устал, тащ капитан. Мне подтверждение нужно про сбитый, и машина, в полк добраться.

— Ну, бумажку-то мы тебе оформим, а вот машин в ту сторону у меня и не предвидится. Максимум до Комрата могу добросить. Там до Бессарабки доберешься, а оттуда в Тарутино.

— Парашют тогда заберите.

— На кой ляд он мне сдался? Сейчас его укладчики упакуют, и вези с собой, еще пригодится. Садись, Витя, поешь, дорогой! До обеда еще, правда, далеко. Десятый час только. Вот утречко выдалось! Михалыч и Коля с тобой были? — я кивнул, но не ответил.

— Земля им пухом. Такие мужики были! — он похлопал меня по плечу и закричал что-то поварихе и подавальщице. Талоны на питание у меня были с собой, и, хотя я не был уверен, что это уместно, я их достал и протянул официантке. Она отрезала один и вернула мне остальные.

— Я завтрак взяла, меня Катя зовут. Молоко с булочками будете?

— Давайте булочки, Катя. — Уже позже стало известно, что летный состав весь питался из одного котла, только столы были отдельно для сержантского состава и средних командиров. Еще я недоумевал по поводу моего звания: почему оно такое низкое? Но это мне не мешало уговаривать отличное неснятое парное молоко. Однако мой завтрак был прерван гулом моторов. Один «ишак» шел с ходу и заморгал АНО, к нему из рожицы выскочила «санитарка», два других сели, когда баошники убрали самолет с полосы в недостроенный капонир. «Санитарка» унеслась куда-то, а к столовой подходило два старших командира: майор с двумя шпалами на петлицах и полковой комиссар, даже реглан которого был «украшен» красной звездой. К ним тут же подскочил комбат Резцов и доложил о происшествиях: сколько чего сожжено, сколько налетов было, сколько воронок засыпано.

— Да, неудачное, неудачное место, Степан Тимофеевич, его ж для учений выбирали. Кто ж знал, что такое начнется. Убирать надо самолет отсюда, ибо разбомбят, ты же не прикрыт совсем.

— Ну, тут у меня летчик-то есть, из 146-го РАП, толковый мальчишка и утром «мессера» завалил.

— «Мессера»? Не «лося»?

— Дрался один с четырьмя «мессерами», двух других немцы срубили сразу. Я все их звено хорошо знал. Должны были первыми в полку пересечь на МиГи.

— Зови!

— Виктор! Суворов! Подь сюда! — замахал руками капитан.

Я подошел и представился.

— Летная книжка с собой?

— Нет. Только партбилет.

— Тут есть необходимость быстро перегнать машину в Болград, в Каракурт.

Вообще мне совсем не улыбалось тащиться в «свой полк», где казусов будет просто не миновать. Один разговор с комбатом чего стоил. Поэтому я дал согласие перегнать машину. Мне обещали за это самолет до Тарутино. Вместе с майором, который оказался командиром 67-го ИАП Борисом Рудаковым, а полковой комиссар был замполитом полка, мы подошли к машине. Кем был раненый командир, я просто не знал. Машина была пробита в нескольких местах, в кабине еще осталась кровь, в основном на парашюте, который я вынул и вставил в чашку свой. Пробоины были осколочными. Пришлось руководить красноармейцами, которые добавляли топливо и масло в самолет. Кроме баошников здесь никого не было, все уехали. Эта площадка числилась именно за 67-м ИАП. «Ишак» был пушечным, семнадцатой серии, но с «родным» 63-м движком. У меня стоит «ИРка» от Ан-2. Есть люк в правом борту, то есть самолет радиофицирован, правда у меня шлемофон был без папы-мамы и наушников. А «чужой» шлемофон уехал в госпиталь. Я задал вопрос майору, но тот отмахнулся:

— Я посигналю, флажки в кабине. На этой машине только приемник, да и работает плохо. Будешь готов — посигналь и запускайся.